

БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ: СКОЛЬКО СТОИТ БЫТЬ СТУДЕНТОМ?

ГАЛИЦКИЙ Е.Б.,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры маркетинга фирмы,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
e-mail: egalit@yandex.ru;

ЛЕВИН М.И.,

доктор экономических наук,
заведующий кафедрой микроэкономического анализа,
Государственный университет — Высшая школа экономики,
e-mail: mlevin@mail.ru

Статья посвящена проблемам, возникающим в связи с тем, что в российской сфере образования сегодня соседствуют и переплетаются два механизма функционирования — официальный и неофициальный, коррупционный. В статье приводятся оценки размеров коррупционных платежей, осуществляемых домохозяйствами на разных стадиях образовательного процесса, причем основное внимание уделено стадии поступления в вуз и, отчасти, стадии обучения в вузе. Демонстрируются и обсуждаются на качественном уровне некоторые аспекты воздействия на коррупционную составляющую затрат повсеместного распространения системы приема в вузы по результатам ЕГЭ. Эмпирической основой статьи служат результаты репрезентативных опросов домохозяйств, регулярно проводившихся Фондом «Общественное мнение» и НИУ-ВШЭ по заказу Министерства образования и науки РФ с 2002 по 2008 г.

Ключевые слова: институциональная коррупция; высшее образование; взятки; ЕГЭ.

The article deals with the problems related to combination and close interweaving of two mechanisms of functioning – official and unofficial (corruption) – in modern education in Russia. The assessments of illegal payments paid by households on different stages of the educational process are given in the article. The main attention is paid to the stage of entering the HEI and partly to the process of learning. Certain aspects of influence of wide spread occurrence of enrolment system based on Russian National Exam results over the illegal component of costs are demonstrated and discussed on a qualitative level. Results of representative surveys of households, interviewed regularly by «Public Opinion» Foundation and NRU – HSE ordered by Department of Education and Science of Russian Federation in 2002–2008, form the empirical basis for the article.

Keywords: institutional corruption; higher education; bribes; Russian National Exam.

Коды классификатора JEL: I21, K42.

Выбор образовательной траектории носит для человека во многом судьбоносный характер. Родители, а также сам молодой человек или девушка выбирают образовательную траекторию детей и совместно с государством обеспечивают ее финансовую (т.е. изучаемую в рамках настоящего исследования) поддержку. Финансовое участие семьи в образовании ребенка имеет место практически всегда, но его размеры варьируются в широких пределах, что позволяет относить образовательный выбор к разряду платежеспособных выборов. Поэтому траты, производимые семьями на разных стадиях образовательного процесса ребенка, могут служить важными индикаторами формирования будущей образовательной структуры российского населения.

Есть и еще аспект проблемы. Надо сказать, что имеет значение не только размер инвестиций семьи на той или иной стадии образования, но и их структура. Это важно, в частности, постольку, поскольку заметная часть затрат на образование сегодня носит скрытый, теневой характер, что ведет к прорастананию в теле системы образования «раковой опухоли» — рынка знаков образования. Важно, что та или иная организационная форма системы образования может как способствовать, так и противодействовать росту этой опухоли.

Остановимся на российских реалиях. В условиях современной России прямые траты семей, связанные с поступлением ребенка в вуз, складываются из расходов на подготовку и собственно на поступление. Затраты на подготовку включают в себя плату за обучение на подготовительных курсах и за уроки частных репетиторов. К той же категории относятся покупка книг и иных печатных материалов, необходимых для обучения, расходы на ксерокопирование материалов и т.п. Сюда же можно отнести официальную оплату разного рода тестирования, проводимого до вступительных экзаменов в вуз (пробных экзаменов, олимпиад и т. д.). В свою очередь, затраты на поступление могут включать в себя оплату проезда в другой город для сдачи экзаменов (и обратно), оплату проживания в период сдачи экзаменов, а также официальную плату за медицинскую комиссию, оформление документов и вступительные экзамены. Анализ этих трат интересен уже потому, что согласно Закону «Об образовании» государственные вузы должны принимать документы и проводить экзамены совершенно бесплатно, в том числе при приеме для обучения на коммерческой основе. Тем не менее, наряду с вышеперечисленными тратами, некоторые семьи вносят так называемый, официальный вступительный (спонсорский) взнос. Более того, в ряде случаев возникают и неофициальные платежи: за более мягкое отношение к ребенку при оформлении документов, на медкомиссии и т. д., а также за помощь на вступительных экзаменах или при зачислении.

Наряду с этим, в последние годы в связи с повсеместным распространением приема в вуз по результатам ЕГЭ становится все более актуальной оценка размеров и структуры затрат домохозяйств, связанных с подготовкой к сдаче и собственно сдачей единого государственного экзамена (ЕГЭ). Надо отметить, что хотя этот новый институт был внедрен после достаточно длительного тестирования, его сегодняшняя реализация вызывает много справедливых нареканий.

Прежде всего, существующая система сдачи ЕГЭ в недостаточной мере защищена от преступного вмешательства со стороны. Надо сказать, что главная идея, лежащая в основе ЕГЭ, — реализация принципа единства требований ко всем без исключения выпускникам учреждений среднего образования, на практике пока еще реализована не в полной мере, так как есть возможность вмешательства в процесс сдачи ЕГЭ. В итоге, например, учащиеся маленьких деревенских школ зачастую имеют больше шансов, что им помогут при сдаче ЕГЭ, чем учащиеся городских школ. В связи с этим нередко жители городов переводят своих детей-старшеклассников учиться в деревню. Заметим, кстати, что сама возможность такого вмешательства создает почву для коррупции.

Серьезным просчетом разработчиков существующей версии системы ЕГЭ является то, что в зависимости от успешности сдачи этих экзаменов поставлена оценка работы образовательных учреждений, городских, сельских, районных и региональных органов системы образования. Это порождает стимул к подтасовке результатов ЕГЭ, причем в заведомо проигравше оказываются наиболее честные преподаватели, школы и руководители системы образования. Из-за этой ошибки создан, по сути, механизм отбора в руководящие органы системы образования на местах наиболее беспринципных, а то и нечестных на руку людей. Можно сказать, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги».

Есть, думается, и другие недостатки в существующей системе ЕГЭ. Однако наличие недостатков не может, на наш взгляд, служить основанием к тому, чтобы «выплескивать с водой ребенка». Надо целенаправленно совершенствовать эту систему, для чего нужны специальные исследования. В частности, надо собирать многочисленные кейсы, демонстрирующие существующие проблемы. Эти кейсы, например, разбросаны на многих и многих страницах Интернета, люди часто размещают во всемирной сети рассказы о том, что с ними случилось. Все это позволит быстро исправить недостатки существующей системы ЕГЭ.

Однако речь должна идти не только о ЕГЭ, и даже не столько о ЕГЭ, сколько о коррупциогенности системы российского образования в целом. Коррупция в образовании может служить лакмусовой бумажкой здоровья государственной машины вообще. Во-первых, со сферой образования сталкиваются практически все, а следовательно, о ситуации в этой сфере осведомлен почти каждый. Во-вторых, взятки, которые берутся с домохозяйств, — это начальное звено длинной коррупционной цепочки. Из этих неофициальных средств оплачиваются преступные «услуги» разного рода проверяющих учебные заведения, подкупаются работники правоохранительных органов, призванных выявлять случаи коррупции и т.п.

Многое можно сделать для того, чтобы уменьшить коррупционную составляющую образования. В частности, необходимо разработать систему наказаний за нарушение правил. Речь идет не об Уголовном кодексе: там многое «прописано», но применить эти положения на практике зачастую оказывается невозможно, так как доказать факт дачи взятки обычно не удается. А вот ввести четкую систему административного наказания за нарушение правил, которое могло быть инициировано фактом дачи взятки, вполне возможно.

Поясним сказанное примером. Одному школьнику задним числом исправили проставленные в журнал оценки. Комиссия выявила это нарушение и приняла решение... всего лишь вернуть «подчищенные» оценки обратно в журнал. Ни директор школы, ни ответственные за нарушение работники не понесли никакого наказания. Это ли не благодатная почва для коррупции?!

Многие факты коррупции нередко даже не пытаются скрывать. Так, заместитель декана в одном уважаемом вузе делает все, чтобы на проверочных экзаменах подсказывали. Преподаватели требуют взятки и подарков, и об этом все знают. Вообще создание искусственных барьеров на пути детей, имеющих право на хорошее образование, — дело очень выгодное. Насколько мы знаем, во многих

вузах можно попасть в серьезную переделку, если вовремя не заплатить нужному человеку. Так, один студент был исключен из вуза только за то, что не сдал вовремя всего лишь одну лабораторную работу. Самое удивительное то, что о существовании этой лабораторной работы учебная часть вспомнила с опозданием, лишь тогда, когда оказалось, что молодой человек против обыкновения не поздравил работников деканата с Новым годом. Через год он восстановился и с тех пор вовремя приносит подарки. Дети быстро усваивают уроки.

С другой стороны, тех же преподавателей вынуждают к тому, чтобы натягивать оценки. В другом вузе дипломник, пришедший познакомиться со своим научным руководителем, был ошарашен вопросом: «Ты сам диплом писать будешь или тебе телефончик дать?» Почему у нас возможны столь вопиющие факты? Что делает их возможными? По нашему мнению, это, во-первых, высокая готовность россиян к тому, чтобы вступить друг с другом в неофициальные, в том числе, коррупционные отношения. Эмпирические данные такого рода будут приведены ниже. Во-вторых, это недостаточная проработанность образовательных механизмов на предмет выявления в них коррупционной составляющей. У нас нет единой продуманной системы мер по предупреждению коррупции.

Например, в вузах Великобритании лица, участвовавшие в составлении экзаменационных задач, не имеют права не только участвовать в проведении экзамена, но и находиться близко к тому месту, где он проводится. Нам тоже надо идти по пути введения такого рода ограничений. Например, нельзя, чтобы среди тех, кто проводит экзамен, были те, кто учил.

Далее, если вернуться к ЕГЭ, то неясно, почему кто-то должен заранее, а не прямо на экзамене у всех на виду, вскрывать конверт с экзаменационными заданиями? Еще правильнее было бы вовсе исключить из этой системы архаичные конверты и получать конкретные, предназначенные для определенного места сдачи экзамена, задания непосредственно через Интернет, причем в момент начала экзамена, в присутствии экзаменуемых. Иного способа узнать задания быть не должно. Необходим строгий общественный контроль, чтобы начало экзамена не откладывалось. Стоит поддержать и другое предложение: установить на местах сдачи ЕГЭ так называемые «глушилки», исключающие возможность пользования на экзамене мобильными телефонами. Такого рода меры существенно повысят «взяткоустойчивость» системы ЕГЭ. Но при одном условии: если будут предприняты продуманные усилия по информированию тех, кто сдает экзамен, и их родителей о том, как эти экзамены должны, а как не должны проводиться.

Перейдем теперь к вопросу о распространенности и размерах коррупции в России на стадиях поступления и учебы в вузе. Сделаем, прежде всего, важное замечание. Всякий раз, когда речь идет о размерах коррупции, представляют повышенный интерес межстрановые сравнения. Сообщения на эту тему время от времени появляются. Однако, хотя семьи несут те или иные расходы, например, на переходе «школа — вуз», во всех странах мира, сопоставления такого рода весьма затруднительны. Сбор и приведение в сопоставимый вид соответствующих данных представляют собой специальную задачу и требуют проведения большого исследования, которое должно включать в себя ряд этапов.

Во-первых, необходимо осуществить сравнительное описание системы предоставления образовательных услуг, а именно выяснить, какие конкретно услуги и в каком объеме предоставляются со стороны государства бесплатно или за заранее установленную плату, а за какие может взиматься дополнительная плата.

Во-вторых, необходимо разработать систему соответствующих индикаторов (статей затрат) и привести их в сопоставимый вид.

В-третьих, необходимо провести дифференциацию этих показателей, прежде всего, по видам образования. Например, поступление в частный колледж, в высшую техническую школу и в университет может финансироваться по-разному. В одних странах плата за поступление может взиматься, а в других — нет. И если плата за поступление взимается, ее размеры могут различаться в зависимости от сложности образовательной программы.

Существенное влияние на изучаемые денежные потоки оказывает наличие или отсутствие в тех или иных странах, наряду с легальной, еще и нелегальной формы подготовки к поступлению в вузы. Например, в тех странах, где поступление осуществляется на основании некоторых единых тестов, более или менее аналогичных ЕГЭ, плата за подготовку к ним заметно отличается как по размеру, так и по содержанию от платы за «натаскивание» детей на сдачу вступительных экзаменов в конкретные вузы в тех странах, где такие экзамены проводятся.

Следует отметить, что система подготовки к вступительным экзаменам может быть тесно связана с системой текущего обучения. Например, в стране могут учитываться при поступлении в вуз оценки и рейтинги, накопленные при обучении в средних учебных учреждениях, или итоги участия ребенка в различных конкурсах, соревнованиях и т.п. В этих случаях соответствующие затраты, по сути, должны учитываться в затратах на подготовку к поступлению в вуз.

Таким образом, для обеспечения сопоставимости данных по России с зарубежными данными необходимо разработать принципы анализа затрат семей из разных стран на поступление в вуз. Но следует оценивать не только прямые затраты непосредственно на поступление в вуз, но и многочисленные косвенные затраты, связанные с развитием ребенка. Задача эта достаточно сложная даже для анализа в рамках одной страны. Так, судя по результатам проведенных авторами глубинных интервью, сегодня в России родители нередко сталкиваются с дилеммой. К чему предпочтитель-

нее готовить ребенка: к сдаче школьных экзаменов и ЕГЭ или к участию в различных олимпиадах и конкурсах? Ясно, что действия и, соответственно, затраты, необходимые для успешной реализации каждой из этих стратегий, различны. При этом если выбор первой стратегии во многом гарантирует успех и в конечном итоге — поступление в вуз, то результат выбора второй стратегии носит в высокой степени вероятностный характер.

В целом можно отметить, что анализ применяемых в разных странах схем поступления в вуз, как преодоления барьера к входу, представляется авторам весьма интересным и с точки зрения эффективности подготовки специалистов, и с точки зрения социальной справедливости. Однако в связи с вышеназванными обстоятельствами такого рода данными мы не обладаем и касаться ситуации в других странах в данной статье не будем.

Траты семей на образование, в том числе коррупционная составляющая этих трат, изучаются по данным репрезентативных опросов домохозяйств, проходящих в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» (МЭО). Эти опросы проводились Фондом «Общественное мнение» и НИУ-ВШЭ по заказу Министерства образования и науки РФ, начиная с осени 2002 г. Опросы проходили ежегодно за исключением 2009 г.¹ Таким образом, последние опросы проходили осенью 2008 г. и описывали ситуацию, существовавшую в 2007/08 учебном году.

Каждый год семьи с детьми в возрасте от 4 до 22 лет отфильтровывались по месту жительства из 9 000 семей, образующих общероссийскую выборку², и 3 000 семей, образующих специальную московскую выборку³. Чтобы избежать существенных смещений из-за отказа многих семей от участия в исследовании, использовалась каждый раз новая выборка семей, т.е. каждого респондента просили дать интервью один раз, а не сотрудничать с исследователями на протяжении нескольких лет. В каждом домохозяйстве, в котором есть ребенок, задавались вопросы о тратах на его образование в течение учебного года (с сентября прошлого года по август текущего)⁴.

Для замера отдельных статей расходов респондентам предлагался перечень возможных трат на соответствующей стадии учебного процесса. Их спрашивали, сколько было потрачено по каждой статье. Ответы респондентов позволяли напрямую рассчитать затраты, понесенные семьей. Сразу отметим, что для определения размера коррупционных трат прямые оценки заведомо очень занижены. Поэтому прямые оценки дополняются косвенными, рассчитанными по другим вопросам анкеты.

Анализ проводился отдельно для московских, отдельно для остальных семей, поскольку траты на поступление для этих семей очень сильно различаются. Действительно, в столице сконцентрировано значительное число уникальных учебных заведений, москвичам чаще всего нет нужды куда-либо ездить на обучение, соответственно, им, как правило, не нужны общежития, съемное жилье и т.п. С другой стороны, в столице на протяжении ряда лет тормозилось развитие системы приема в вузы по результатам единого государственного экзамена (ЕГЭ), что также могло наложить отпечаток на структуру трат семей.

Изучались траты семей, связанные с обучением детей, на следующих этапах образовательного процесса:

- воспитание и образование до школы;
- учеба в школе;
- учеба в начальных профессиональных учебных заведениях;
- поступление в средние профессиональные учебные заведения;
- учеба в средних профессиональных учебных заведениях⁵;
- поступление в вузы;
- учеба в вузах.

В данной статье мы будем касаться лишь двух последних стадий образовательного процесса. Затраты, связанные со сдачей ЕГЭ, до сих пор не рассматривались отдельно. Их планируется выделить в ходе последующих опросов.

Приведем соответствующие результаты, полученные прямым методом, сначала для поступления в вузы.

Таким образом, если предположить, что никто из респондентов, не «сознавшихся» в даче взятка, взятку не давал, то есть, если ориентироваться лишь на прямые, «лобовые» вопросы анкеты, получается, что, например, в 2007/08 учебном году взятки за поступление ребенка в вуз давали только

¹ Исключением стала и четвертая волна МЭО: опросы, которые должны были проходить осенью 2005 года, удалось провести лишь весной следующего, 2006 года. Из-за этого пришлось замерять затраты, относящиеся не к 2003/04 учебному году, а к первому полугодью 2004/05 учебного года. Относительно же 2003/04 года, удалось оценить лишь траты на подготовку в ссузы и вузы, да и то неточно: момент трат от момента интервью отделяло слишком много времени, и многие респонденты забыли, сколько тратили. Таким образом, отсутствует еще одна точка временного ряда.

² Эта выборка в определенной пропорции включала в себя, естественно, и московские семьи.

³ В выборку общероссийского опроса путем трехступенчатого случайного отбора было включено 314 избирательных участков из 203 населенных пунктов, которые, в свою очередь, входят в 63 субъекта Российской Федерации. В выборку московского опроса включено 100 избирательных участков столицы. Методика построения выборки изложена в [1].

⁴ Кроме семей с детьми изучались семьи, в которых есть взрослый, обучавшийся в том или ином учебном заведении, на курсах и т.п. Данные по учебе взрослых в данной статье не приводятся.

⁵ Такие учебные заведения далее для краткости условно называются техникумами.

в 3,3% случаев, и каждая такая взятка составляла в среднем 2,7 тыс. руб. Приведем аналогичные данные по обучению в вузах.

По обучению в вузах, как мы видим, наблюдается сходная картина: если верить «признаниям» респондентов, то доли дававших взятки измеряются величиной порядка 3–7%, а сумма взяток составляет примерно 2–3 тыс. руб. в год.

В то же время, подход, когда респондентов напрямую спрашивают, были ли у их семьи те или иные траты и если были, то каков был их размер, неприменим, когда речь идет о теневых, коррупционных тратах. Есть основания думать, что значительная часть респондентов из семей, дававших взятки, не решались сообщать об этом незнакомому человеку. Сообщили же преимущественно те, кому не страшно, т.к. они имели в виду лишь сравнительно недорогие подарки.

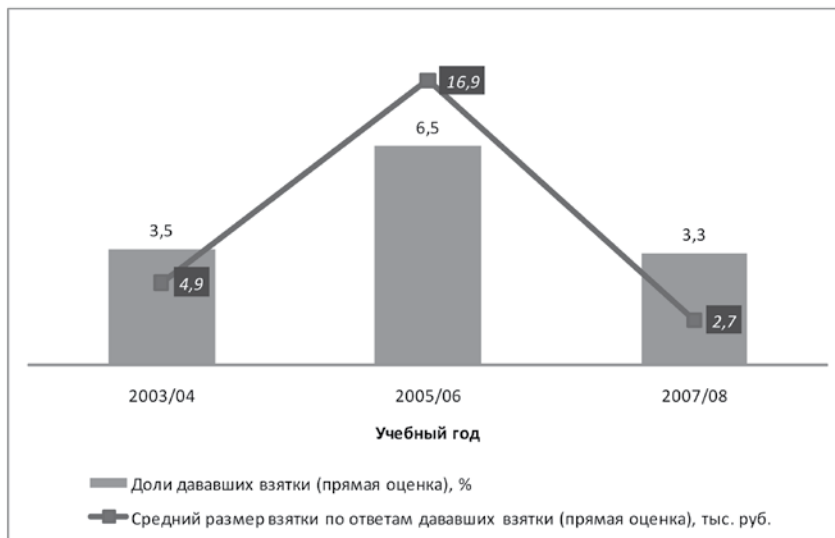

Рис. 1. Прямые оценки распространенности и среднего размера взятки за поступление в вуз. Прямая оценка, Россия в целом

(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопросы: «На что из перечисленного Вы, Ваша семья тратили деньги в прошлом учебном году в связи с подготовкой и поступлением ребенка в вуз?» и «Сколько примерно составила каждая из названных Вами трат в течение прошлого учебного года?». Позиция: «Подарки или плата за помощь на вступительных экзаменах или при зачислении»)

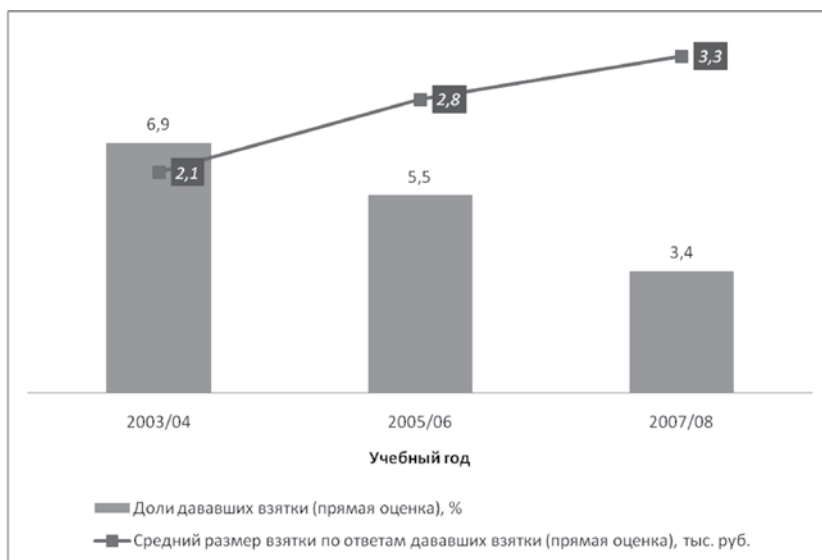

Рис. 2. Прямые оценки распространенности и среднего размера взятки при обучении в вузе. Прямая оценка, Россия в целом

(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был студент вуза, на вопросы: «На что из перечисленного Вы, Ваша семья тратили деньги в прошлом учебном году в связи с учебой ребенка?» и «Сколько примерно составила каждая из названных Вами трат в течение прошлого учебного года?». Позиция «Индивидуальные подарки или плата за оценки на экзаменах, перевод на следующий курс, на другое отделение и т. д.»)

Учитывая сказанное, раз в два года применялся еще и иной — косвенный — подход к замеру коррупционных потоков. Согласно этому подходу респондентам задавалось четыре вопроса для косвенной оценки теневых расходов. Например, в семьях, в которых есть студент, задавались следующие вопросы⁶.

Вы слышали или не слышали о случаях, когда в таком вузе, как Ваш, неофициально платят за то, чтобы студенту помогли на экзаменах, переводили на другой курс и т. д.? (Один ответ.)⁷

1. слышал(-а)
2. не слышал(-а)
3. затрудняюсь ответить

Как Вы думаете, о какой примерно сумме платежей за студента в рублях за весь учебный год может идти речь в таких вузах (техникумах и т.п.), как Ваш? (Интервьюер! Запишите числом сумму, названную респондентом. Если респондент затрудняется ответить, оставьте позицию пустой.)

_____ руб.

А если бы представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы платить, чтобы Вашему ребенку неофициально помогли на экзаменах, переводили на другой курс и т. д.? (Один ответ.)

1. безусловно, да
2. скорее да
3. скорее нет
4. безусловно, нет
5. затрудняюсь ответить

У Вашей семьи есть материальная возможность неофициально заплатить или такой возможности нет? (Один ответ.)

1. безусловно, есть
2. скорее есть
3. скорее нет
4. безусловно, нет
5. затрудняюсь ответить

Аналогичные вопросы задавались относительно коррупционных трат на стадии поступления в вузы, а также относительно других стадий учебного процесса.

Приведем полученные данные сначала для стадии поступления в вуз (рис. 3).

Судя по ответам на приведенный выше вопрос, о случаях коррупции при поступлении в вуз в 2007/08 учебном году слышали реже, чем до этого. При этом типичный размер взятки за поступление, как представляется респондентам, составляет в среднем 94,1 тыс. руб. и по сравнению с предыдущим замером почти не изменился. Заметим: это более чем на порядок превышает приведенные выше прямые, «лобовые» оценки взяток.

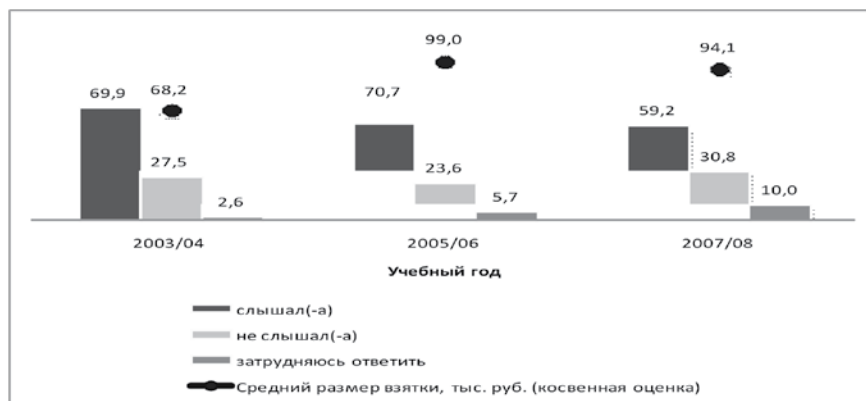

Рис. 3. Информированность о случаях взяточничества при поступлении в вуз и косвенная оценка типичного размера такой взятки. Россия в целом

(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был абитуриент на вопросы: «Вы слышали или не слышали о случаях, когда люди платят кому-нибудь, чтобы абитуриенту неофициально помогли при сдаче вступительных экзаменов и зачислении в такое, как Ваше, высшее учебное заведение?» и «Как Вы думаете, в таких случаях о какой примерно сумме неофициальных платежей за прием ребенка в такой вуз, как Ваш, может идти речь?»)

⁶ Идея задавать в таких исследованиях первые три из приведенных выше четырех вопросов выдвинута Г.А. Сатаровым, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

⁷ Остальные три вопроса задавались только респондентам, положительно ответившим на первый вопрос.

Приведем теперь аналогичные данные о коррупции на стадии обучения в вузе (рис. 4).

Легко заметить, что с коррупцией при обучении в вузе ситуация несколько иная, чем при поступлении: доля тех, кто информирован о таких случаях, при последнем замере тоже снизилась, но очень незначительно, лишь на 5 пп., тогда как типичный размер взятки вырос почти вдвое, достигнув 33,9 тыс. рублей за учебный год.

Посмотрим, как обстоят дела с готовностью самих респондентов к коррупционному поведению (рис. 5).

Более всего поражает в приведенных данных то, что на протяжении всех лет доля тех, кто категорически отвергает возможность дать взятку за поступление ребенка в вуз, была относительно стабильной и не превышала трети. Остальные в той или иной степени допускают такую возможность. Однако, доля тех, кто безусловно готов дать взятку, последовательно снижалась с 15% в 2003/04 учебном году до 5,8% в 2007/08, а доля не готовых, но склоняющихся к коррупционному поведению с 2005/06 по 2007/08 учебный год снизилась с 22,8% до 16,7%. Таким образом, уровень готовности населения к коррупционному поведению на стадии поступления ребенка в вуз демонстрирует тенденцию к снижению.

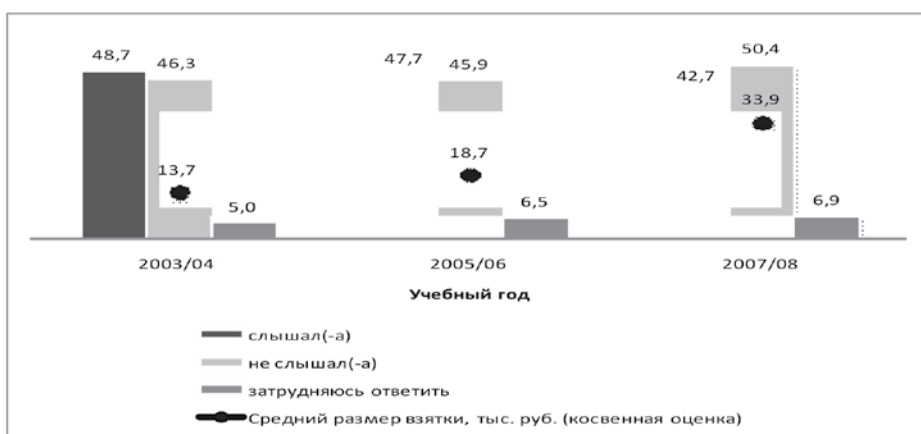

Рис. 4. Информированность о случаях взяточничества при обучении в вузе и косвенная оценка типичного годового размера взяток за обучение одного студента. Россия в целом

(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопросы: «Вы слышали или не слышали о случаях, когда в таком вузе, как Ваш, неофициально платят за то, чтобы студенту помогли на экзаменах, перевели на другой курс и т. д.?» и «Как Вы думаете, о какой примерно сумме платежей за студента в рублях за весь учебный год может идти речь в таких вузах, как Ваш?»)

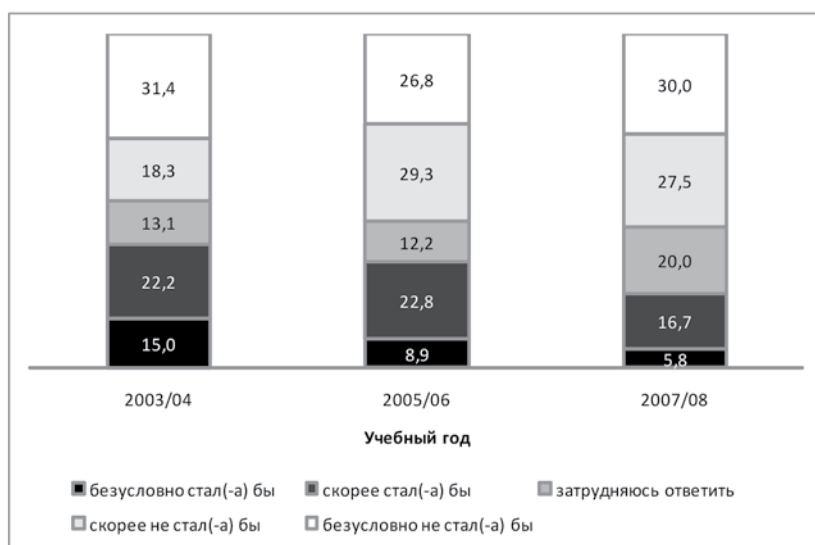

Рис. 5. Склонность к коррупционному поведению при поступлении ребенка в вуз. Россия в целом. (Распределение ответов респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопрос: «Если бы Вам представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы неофициально платить кому-то за поступление Вашего ребенка в вуз?»)

На стадии обучения в вузе доля исключавших для себя возможность дать взятку примерно такая же, как и на стадии при поступлении — примерно треть. А вот доля безусловно склонных к коррупционному поведению здесь, в отличие от стадии поступления в вуз, не снижается. Взятку за неофициальную помощь на экзаменах, перевод на другой курс и т.д. безусловно готовы дать почти в каждой десятой семье, где есть студент.

Суммируя сказанное относительно двух рассмотренных нами стадий образовательного процесса, можно отметить: коррупционное поведение на сегодняшний день общество недопустимым не считает; лишь меньшинство — примерно треть респондентов — не допускают для себя возможности дать за ребенка взятку. Таким образом, люди в целом честнее не становятся. Поэтому можно предположить, что обсуждавшаяся чуть выше тенденция к снижению доли склонных дать взятку на стадии поступления в вуз связана с постепенным переходом к приему по результатам ЕГЭ, т.е. к ситуации, когда в вузе просто не за что давать взятки при поступлении.

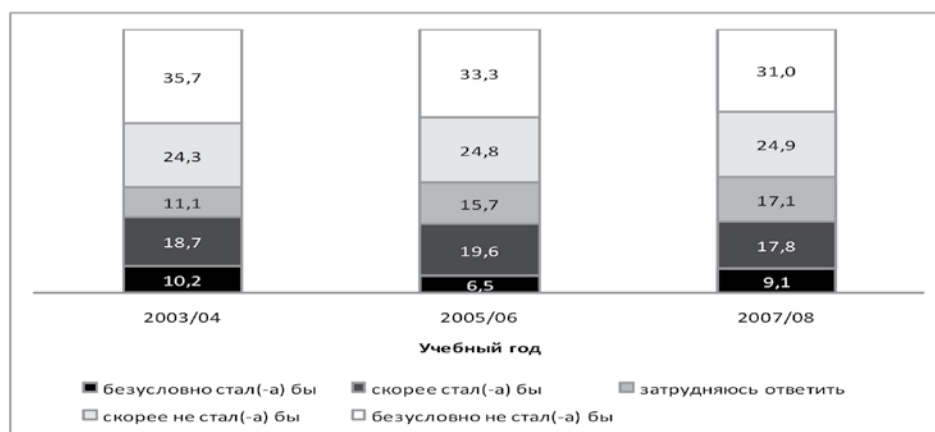

Рис. 6. Склонность к коррупционному поведению при обучении ребенка в вузе. Россия в целом
(Распределение ответов респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопрос: «Если бы представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы платить, чтобы Вашему ребенку неофициально помогли на экзаменах, переводили на другой курс и т.д.»)

Если наше предположение относительно влияния ЕГЭ оправдано, при поступлении в вуз детей из московских семей готовность давать взятки не должна снижаться, поскольку в столице распространение ЕГЭ шло замедленными темпами. Чтобы убедиться, что это действительно так, приведем соответствующие данные по Москве (рис. 7).

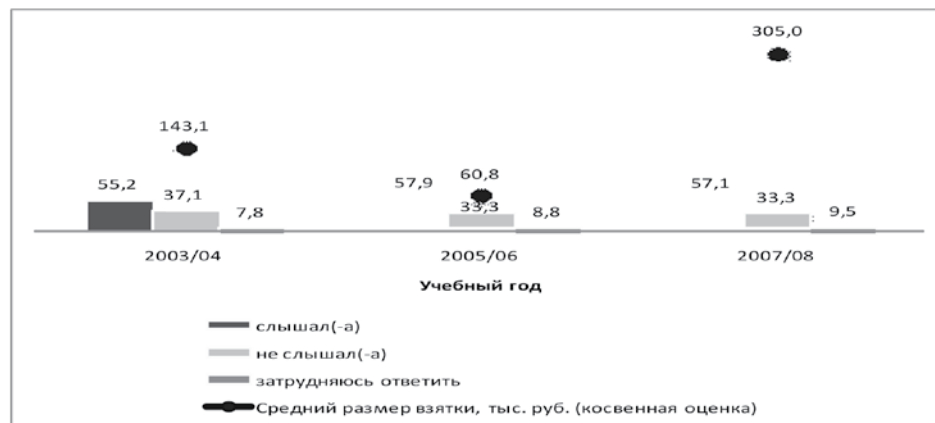

Рис. 7. Информированность о случаях взяточничества при поступлении в вуз и косвенная оценка типичного размера такой взятки. Москва
(Данные об ответах респондентов, в семьях которых был абитуриент, на вопросы: «Вы слышали или не слышали о случаях, когда люди платят кому-нибудь, чтобы абитуриенту неофициально помогли при сдаче вступительных экзаменов и зачислении в такое, как Ваше, высшее учебное заведение?» и «Как Вы думаете, в таких случаях о какой примерно сумме неофициальных платежей за прием ребенка в такой вуз, как Ваш, может идти речь?»)

Мы видим, что доля москвичей, которые слышали о случаях взяточничества, в отличие от аналогичной доли среди россиян в целом, не снижается. Аналогично, средний размер взятки, с точки зрения москвичей, в 2007/08 учебном году резко вырос, а не остался на прежнем уровне, как по стране в целом.

Следующий рисунок (рис. 8) иллюстрирует динамику склонности московских семей, в которых есть абитуриент, к коррупционному поведению.

Мы видим, что в отличие от страны в целом, в столице в 2007/08 учебном году была зафиксирована самая высокая за все время наблюдений готовность к даче взяток за поступление ребенка в вуз. Так, почти вдвое (с 45,6 до 23,8% снизилась доля семей, исключаящих для себя возможность такого коррупционного поведения, а доля семей, которые, безусловно или скорее дали бы взятку, возросла с 2005/06 учебного года с 14,0 до 23,8%, почти вернувшись на уровень 2003/04 учебного года (25,8%).

Таким образом, данные опросов, по крайней мере, не противоречат предположению о том, что склонность давать взятки за поступление в вуз в целом по стране снижается, благодаря внедрению ЕГЭ.

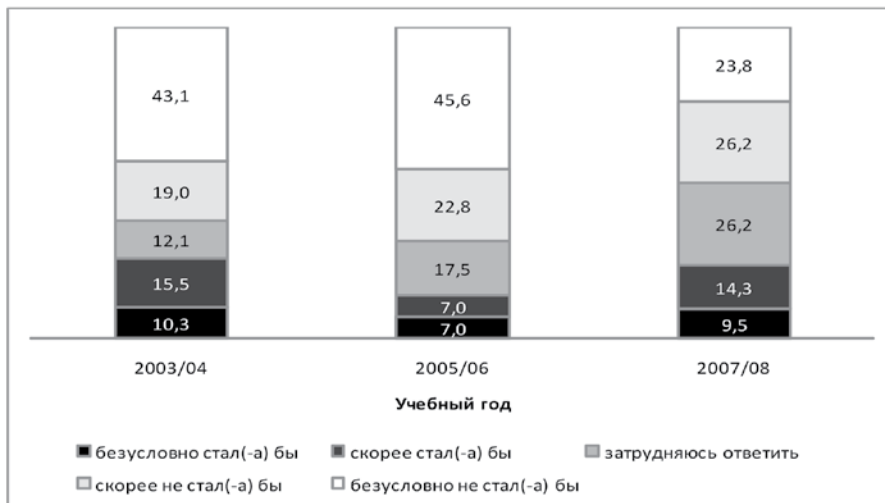

Рис. 8. Склонность к коррупционному поведению при поступлении ребенка в вуз. Москва

(Распределение ответов москвичей, в семьях которых был абитуриент, на вопрос: «Если бы Вам представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы неофициально платить кому-то за поступление Вашего ребенка в вуз?»)

Как уже отмечалось, в силу ненадежности прямых оценок коррупционных трат, в рамках МЭО производилась их косвенная оценка, которая осуществлялась на основании ответов респондентов на четыре вопроса: об информированности о случаях взяточничества, о типичном размере взятки, а также о готовности и материальной возможности дать взятку. Коррупционные траты рассчитывались исходя из предположения, которое иллюстрирует таблица 1.

Таблица 1

Вероятность реальной дачи взятки в группах респондентов, по-разному ответивших на вопросы анкеты (предположение, лежащее в основе косвенных оценок)

Если бы представилась такая возможность, Вы стали или не стали бы платить, чтобы Вашему ребенку неофициально помогли...?	У Вашей семьи есть материальная возможность неофициально платить или такой возможности нет?		
	безусловно, да	скорее да	другие ответы
безусловно, да	50%	50%	0
скорее да	50%	25%	0
другие ответы	0	0	0

Поясним суть этой таблицы. По предположению, взятки реально давала половина респондентов, которые были безусловно или скорее готовы дать взятку и при этом безусловно или скорее имели такую материальную возможность. Исключение составляют лишь те, кто оба раза ответил положительно, но с элементами сомнения. Мы предполагаем, что реально давала взятки не каждая вторая, а каждая четвертая такая семья.

Размер же взятки определялся путем усреднения соответствующих оценок, данных респондентами. Однако не всеми, а лишь теми, кто безусловно или скорее готовы дать взятку.

Естественно, приведенные выше предположения носят достаточно умозрительный характер. Проверить, действительно ли каждый второй или каждый четвертый респондент из той или иной группы реально давал взятки, невозможно. Важно, однако, что приведенная выше методика была закреплена в самом начале мониторинга, что делает возможным изучение динамики коррупционного

поведения россиян в сфере образования. Приведем соответствующие данные для стадии поступления в вуз.

На следующем рисунке (рис. 9) показано, сколько в среднем тратила на взятки за поступление ребенка в вуз семья, в которой был абитуриент. Эти данные рассчитаны следующим образом: суммарные коррупционные расходы тех, кто по предположению давал взятки, были распределены между всеми семьями, в которых был абитуриент.

Мы видим, что по стране в целом за период с 2003/04 по 2005/06 учебный год резко — более чем втрое, с 2,7 до 9,5 тыс. руб., — вырос объем коррупционных платежей. Еще через два года, в 2007/08 учебном году, объем коррупционных платежей уменьшился до 2,9 тыс. руб., т.е. практически вернулся к уровню четырехгодичной давности. При этом в столице два последних замера зафиксировали практически одинаковый размер коррупционных платежей: 7,1 и 6,8 тыс. руб. соответственно. Как нам представляется, снижение размера взятки за поступление в вуз по стране в целом при сохранении их прежнего уровня в столице можно, как уже говорилось, объяснить распространением в стране приема в вузы на основании ЕГЭ и относительно более медленным развитием этого процесса в столице.

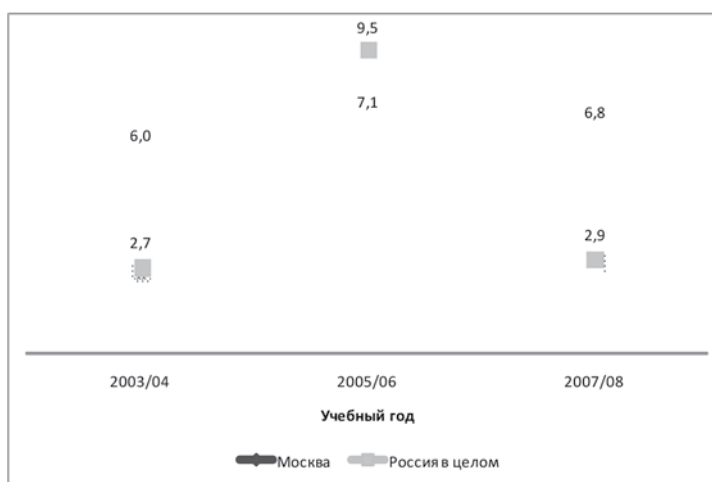

Рис. 9. Средние размеры коррупционных затрат в расчете на одного абитуриента (косвенная оценка), тыс. руб.

(Суммарные взятки семей, которые по предположению их давали, условно распределены поровну между всеми семьями с абитуриентами вузов)

У нас, конечно, нет доказательств, что обнаруженная динамика коррупционных платежей объясняется именно распространением ЕГЭ. Мы только отмечаем, что существующие эмпирические данные не противоречат такому предположению. В то же время не исключено, что часть коррупционных платежей, которая ранее поступала в сферу высшего образования, теперь перенаправлена в структуры, связанные с приемом ЕГЭ. Анкеты репрезентативных опросов, проводившихся в рамках МЭО, не содержали вопросов, позволяющих оценить эти новые коррупционные потоки. Эту проблему предполагается всесторонне изучить в рамках будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационный бюллетень МЭО. 2007. № 3.